

Проф. А. П. Смирнов

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНАХ В КРЫМУ

Вопрос о славянах в Крыму за последнее время приобрел известную остроту, объясняемую насущной необходимостью четко определить место Крыма в истории восточных славян. Слабая разработанность этой проблемы привела к возникновению ряда точек зрения на время появления славян в Крыму и на их роль в его древней истории.

Данные, которыми располагает историческая наука, показывают, что с древнейших времен Крымский полуостров и Восточная Европа представляли одно целое. Так было уже в IV—III тысячелетиях до н. э., когда вся эта территория была заселена родственными племенами, известными в археологии под именем племен ямной и затем катакомбной культур. Общность сохранилась и позднее, во II и в начале I тысячелетия до н. э., когда на всей этой территории жили племена срубной и киммерийской культур. Не только степной Крым, но и его горная часть были связаны с Восточной Европой.

На рубеже II—I тысячелетия до н. э. в горах Крыма обитали племена Кизил-Кобинской культуры, имеющей много общего с культурой населения Прикубанья и Предкавказья того же времени. Не подлежит сомнению неразрывная связь Крыма с Восточной Европой и в последующее время, в I тысячелетии до н. э., в эпоху скифов и сарматов. Эти связи не ослабевали и позднее, когда господствующая роль в Приднепровье перешла к славянам.

За последнее время вопросу о славянстве в Крыму уделяется значительное внимание. Эта проблема обсуждалась на сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР в мае 1952 года¹. Ей посвящен ряд статей, например, статья Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого, которые подвергли детальному разбору существующие точки зрения и высказали мнение, что славяне появились в Крыму около III в. н. э.² Наконец, в связи с крымской сессией на этом вопросе остановились Б. Д. Греков и Ю. В. Бромлей³.

Еще в работах В. Г. Васильевского⁴ и позднее Б. Д. Грекова⁵ отмечалась связь славян Приднепровья с Крымом и была дана оценка немно-

¹ «Правда» от 11 июня 1952 г.; «Крымская правда» от 25 мая 1952 г.

² Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, К вопросу о славянах в Крыму, ВИ, 1952, № 4, стр. 94.

³ Б. Д. Греков, Ю. В. Бромлей, Изучение истории Крыма, «Вестник АН СССР», 1952, № 8, стр. 71.

⁴ В. Г. Васильевский, Записка готского топарха, «Труды», т. II, вып. 1, 1909, стр. 136—212.

⁵ Б. Д. Греков, «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь, «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», 1929, № 3, стр. 100.

численных документов, касающихся этой проблемы, как византийских и русских, так и восточных. В работе Б. Д. Грекова хорошо обоснован тезис, что Русь задолго до IX в. прекрасно знала дорогу в Крым. Русы ездили по Черному морю как с мирными, так и военными целями. Неслучайно поэтому арабы Масуди и аль-Якуби называют Черное море Русским, причем первый говорит, что никто, кроме русов, не плавает по Черному и Азовскому морям¹. Ибн-Хардабе (писатель IX в.) указывал на торговлю русов в Черном море² мехами и мечами.

Как установлено работами Б. Д. Грекова, в первой половине X в. Русь твердо стояла в Крыму. Об этом можно судить по нижеследующему пункту договора Византии с князем Игорем в 945 г.: «...если придет Черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране»³. Б. Д. Греков справедливо полагает вслед за Куником, Владимирским-Будановым и Васильевским, что этот пункт договора свидетельствует о силе и близости русских; предполагается, что русские не только могут беспокоить Корсунь и его окрестности своими набегами, но и защищать его, а это возможно было только в том случае, если владения Игоря находились поблизости от Черных болгар и Корсуны⁴.

Нужно думать, что тесная связь Руси с Крымом сложилась значительно раньше. Отношениям X в., несомненно, предшествовал длительный период освоения славянами какой-то части территории полуострова. О пребывании в Крыму значительного славянского населения свидетельствует и факт возникновения и существования Тмутараканского княжества, сложившегося еще до X века⁵.

Первоначальное появление славян в Крыму, несомненно, связано было с тем движением «варваров», которое является рубежом древности и средневековья, когда «варвары» опрокинули рабовладельческие государства, подорванные внутренним процессом разложения рабовладельческого строя. Древние славяне сыграли в этом процессе прогрессивную роль. Участие древних славян в этом движении «варваров» прослежено работами Б. А. Рыбакова⁶ и А. В. Мишулина. В своем труде «Древние славяне и судьбы Восточноримской империи» (ВДИ, 1939, № 1, стр. 288 сл.) последний устанавливает два периода в этом процессе движения славян в область Восточноримской империи: первый, когда славяне в коалиции с другими «варварами» — сарматами, скифами, готами, аварами нападают на империю. Здесь еще славяне не фигурируют под своим именем. В своем исследовании А. В. Мишулин (ук. соч., стр. 208) ссылается на данные Прокопия, который отмечает, что славяне и анты, двинувшиеся через Дунай, говорят на одном языке. А. В. Мишулин сопоставил данные Прокопия с материалами Иордана и отметил, что венеда-славяне в VI в. обитали в районе от Меотийского озера до Вислы. Иордан указывает, что готам Германариха пришлось выдержать натиск антов в районе Меотийского озера. Причем и здесь во второй раз отмечается, что племя это называется и венедами, и антами, и склавинами. А. В. Мишулин отмечает, что указания Иордана о венедах связывают их с более ранними венедами-славянами античных писателей (ук. соч., стр. 298).

¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, стр. 125—138.

² А. Я. Гаркави, Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе, «Труды IV съезда», т. II, М., 1891, стр. 239.

³ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, стр. 234.

⁴ Б. Д. Греков, «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь, стр. 101.

⁵ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1949, стр. 453.

⁶ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, ВДИ, 1939, № 1, стр. 319 сл.

Второй период падает на VI—VII вв. н. э. С 527 г., со времени вступления на престол Юстиниана, начинаются непрерывные вторжения славян и аваров на Балканский полуостров. Есть все основания полагать, что движение славянских племен затронуло и Крымский полуостров. Именно этим можно объяснить ту строительную деятельность, которую развили здесь византийские императоры. Надпись в честь императора Зенона свидетельствует о восстановлении укреплений Херсонеса. Прокопий в своем трактате «О постройках» (ВДИ, 1939, стр. 209—210) сообщает о восстановлении укреплений, предпринятом Юстинианом в Херсонесе, Боспоре и Севастополе, на Кавказском побережье и в горном Крыму (там же, стр. 250). Все эти работы были проведены для того, чтобы оградить Крымское побережье от набегов северных племен. В горном Крыму тогда был создан своего рода лимес, представленный рядом городищ, известных под именем городов древнего Крыма. Все приведенные данные достаточно ясно показывают, что крымские рабовладельческие города-государства попали в такое же тяжелое положение, как и Римская империя. Значительные исторические события этого времени не могли не найти отражения в археологических памятниках, которыми так богата Крымская земля.

Среди археологического материала середины первого тысячелетия н. э., времени мало изученного, есть интересная группа памятников, в числе которых первое место следует отнести Ай-Тодорскому могильнику, исследованному экспедицией В. Д. Блаватского в 1931—1935 гг. Экспедиция В. Д. Блаватского исследовала как крепость, так и могильник. Свои выводы, основанные не только на материале указанных раскопок, но и на всех данных, полученных раскопками более раннего времени, В. Д. Блаватский изложил в своей работе «Харакс» (МИА, № 19). Он отмечает, что в Ай-Тодорском могильнике подавляющее большинство покойников из общего числа 33 было кремировано, причем кости часто лежали в амфорах. Только в двух могилах были прослежены труположения. Нередко около горла амфоры встречались обломки местных сосудов из грубой глины, которые могли служить крышками. Реже жженные кости покойников клялись в могилы завернутыми в мягкие оболочки, не сохранившиеся до нашего времени. Еще реже прах помещался в урну или сосуд местной работы. В могилах встречались бронзовые пряжки, перстни и фибулы, медные монеты, железные ножи, бусы из стеклянной пасты и других материалов, глиняные сосуды и стеклянные стаканы. Сосуды по большей части найдены раздавленными. Стеклянные стаканы обычно клялись вместе с жжеными костями в амфору, а металлические предметы помещались под нее. При погребениях найдены и орудия труда: топоры, серпы, рыболовные крючки и пряслица. Встречены также предметы вооружения: наконечник копья, боевой топор, кинжал и железный умбон щита. Исследователь отметил в числе деталей погребального обряда заклад над захоронениями, выложенный из необработанных камней, поверх которых насыпалась земля.

Анализ вещевого материала, в частности монет, позволил В. Д. Блаватскому прийти к выводу о времени существования крепости и могильника. Нумизматический материал, найденный в укреплении, представлен небольшим числом монет, предшествующих римской оккупации Крыма и времени с середины I в. н. э. до середины III в. н. э., т. е. того времени, когда южная часть Таврического полуострова была занята римлянами. Совершенно другую картину дают монеты, происходящие с некрополя. Подавляющее большинство их относится ко второй половине III — первой половине IV вв. н. э. Всего было найдено 37 монет. В своем заключении В. Д. Блаватский отметил: «После оставления римлянами южного берега Крыма жизнь на Ай-Тодорском холме не прекращалась. Укрепления Харакса, видимо, продолжали служить убежищем окрестному населению на случай

опасности. За наружной стеной Харакса в первой половине IV века н. э. возник некрополь, в котором хоронило своих покойников небогатое местное население — земледельцы, рыбаки и ремесленники, видимо, потомки обитателей Харакса» (ук. соч., стр. 91).

Положения, к которым пришел исследователь, крайне интересны. Первый вывод, с которым следует согласиться, это вопрос о датировке могильника. О IV в. говорят не только монеты, но и вещевой материал. Прав автор и во втором вопросе. Несомненно, могильник возник после ухода римлян. Несомненно также и то, что могильник «варварский» и не может принадлежать ни грекам, ни римлянам, ни другим эллинизированным народам. Самый характер могильника, обряд погребения в нем резко выделяют его из числа античных памятников Крыма. Ни в одном из античных городов не встречено могильника с таким обрядом захоронения и с таким погребальным инвентарем.

Обряд трупосожжения, преобладающий в Ай-Тодорском могильнике, сам по себе ни о чем не говорит. Трупосожжения встречаются в ряде археологических культур, в частности и в античной. Они известны в некрополях Пантикапея, Херсонеса, Ольвии, у римлян, встречаются они и в «варварском» мире. При определении этнической принадлежности основное значение поэтому имеет не столько самый обряд, сколько детали его, которые дают возможность выявить этническую принадлежность погребенных.

Кремирование покойников встречается в древнейших захоронениях Пантикапея, но кремация представлена там не более чем в 10—13% всех погребений VI—V вв. Тот же обряд встречается в Пантикапее и позднее, в IV—III вв. до н. э., когда продолжали существовать два обряда погребения, но кремация наблюдается теперь только в 3% всех погребений. Ко II—I вв. до н. э. относится ряд кремированных погребений в амфорах. Данные последних лет, свидетельствуя об увеличении кремации, не позволяют, однако, утверждать, что и в II—I вв. до н. э. этот обряд захоронения был преобладающим¹.

В I—II вв. н. э. трупоположение стало господствующим типом погребений в Пантикапее. Получили большое распространение склепы. В III в. н. э. трупоположение стало, повидимому, единственным погребальным обрядом, случаи кремации более не встречаются².

Таким образом, для III в. н. э. кремация, обильно представленная в Ай-Тодорском могильнике III—IV вв., явление исключительное, так как в некрополях античных городов Крыма она в то время уже исчезла полностью. Да и самый погребальный обряд захоронения под курганом с сожженными вещами, характерный для античных некрополей Крыма более раннего времени, также отличается от Ай-Тодорского. Единственная деталь, которая сближает греческие некрополи с Ай-Тодорским могильником, — это погребения в амфорах.

Херсонес, второй крупный центр античной цивилизации, также дает погребения, отличные от Ай-Тодорского могильника. В первые века н. э. там существовало два обряда захоронения: кремация и трупоположение. Для этого времени характерны семейные склепы, вырубленные в скале. Внутри склепов устраивались либо лежанки для трупоположений, либо ниши для установки урн, глиняных или свинцовых. Были распространены и гробницы, сложенные из плит. Все эти погребения принадлежали городской аристократии. В качестве примера можно указать на склеп № 1013 с пятнадцатью нишами, в которых помещалось семь трупоположений и девять сожжений. Инвентарь этих погребений — типично грече-

¹ Г. А. Цветаева, Грунтовой некрополь Пантикапея, МИА, № 19 (1951), стр. 75.

² Там же, стр. 83.

ский¹. Во многих склепах и больших гробницах находилось по 10—12 погребений, причем в количественном отношении преобладали сожжения. Так, например, в могиле № 599 было открыто три погребения в гробах и девять в урнах. Инвентарь составляла греческая посуда и ювелирные вещи². Таким образом, погребения Херсонеса резко отличаются от Ай-Тодорских.

Для Ольвии трупосожжения вообще не характерны: среди 192 погребений, открытых в 1902—1903 гг. Б. В. Фармаковским, было только два сожжения³.

Отличаются от ай-тодорских и собственно римские захоронения. Не говоря уже о погребениях богатых римлян, для которых характерны роскошные гробницы, мавзолеи, даже погребения римских рабов резко отличались от ай-тодорских. Примером может служить колумбарий Ливии, представляющий подземные комнаты с нишами по стенам, расположенными в девять рядов, в которые ставились урны с прахом умерших⁴.

Все эти данные показывают, таким образом, что Ай-Тодорский могильник резко отличен от античных некрополей.

Отличается он и от могильников типа Суук-Су, Артек, Джуневис и Бал-Гота. В могильнике Суук-Су погребения совершались либо в простых земляных могилах, либо в земляных склепах, а в верхнем слое — в каменных гробницах. Среди большого числа трупоположений встречено только одно трупосожжение — в могиле № 81. Там на глубине 2,13 м в материке была выкопана могила размером 1,87 × 1,26 × 0,37 м, ориентированная в направлении В — З. Могила была накрыта досками и заключала перегревшую землю, уголь и несколько раковин улиток. На дне ямы обнаружена зола. В могильнике Бал-Гота открыт только один тип погребений — захоронение в каменных ящиках.

Нельзя связать Ай-Тодорский могильник и с таврами, у которых наблюдается совершенно другой обряд захоронения — коллективные погребения в каменных ящиках, причем для них в течение длительного периода времени характерно было скорченное положение трупов.

У сарматов, проникших в Крым около III в. н. э., встречается только трупоположение⁵. Поэтому Ай-Тодорский могильник не может быть отнесен к сарматам.

Как будет показано ниже, особенности Ай-Тодорского могильника находят наиболее близкие аналогии в захоронениях так называемых полей погребальных урн. Памятники этой культуры, открытые впервые В. В. Хвойко, известны в настоящее время в большом числе. Установлена область распространения этой культуры и локальные отличия в погребальном обряде. Однако, несмотря на местные отличия в деталях погребального обряда, для всех памятников этого рода характерно наличие трех типов захоронений и преобладание трупосожжений. Как правило, эти могильники массовые и содержат более или менее значительное количество погребений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Погребения не имеют надмогильных памятников. К р е м и р о в а н н ы е захоронения обычно находятся на небольшой глубине от поверхности, а трупоположения помещаются значительно ниже. При захоронении кремированных трупов остатки костей, зола, слитки расплавленных пред-

¹ Г. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 122.

² Там же, стр. 122—123.

³ ИАК, № 13, СПб, 1906, стр. 110.

⁴ В. Д. Блаватский, Архитектура древнего Рима, М., 1938, стр. 13.

⁵ К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья, «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. V, 1947, стр. 76.

метов складывались в отдельный сосуд в определенном порядке, таким образом, чтобы черепные кости лежали сверху. Самый сосуд с пеплом бывает окружен другими, как глиняными, так и стеклянными. При трупоположении сосуда обычно размещаются с левой стороны головы покойника¹. При обоих обрядах погребения основную часть инвентаря составляли сосуды, различные по величине и по форме, всегда сделанные на круге. Они отличаются разнообразием и изяществом форм, тщательной отделкой глины, имеют лощеную поверхность, нередко орнаментированы. Другие сосуды, имеющие горшкообразную форму, или в виде мисок, хотя и сделаны на круге, но имеют грубую поверхность, иногда шероховатую. Кроме того, встречаются монеты, украшения (в частности, фибулы), орудия труда и оружие, но последнее, как правило, очень редко². Третий обряд погребения представляет редко встречаемые скорченные захоронения³. Нельзя не упомянуть, что в некоторых могильниках исследователями отмечена каменная обкладка⁴ вокруг сожжений, как, например, в урочище Красный Кут или в Виленской области⁵.

Погребения Ай-Годорского могильника в виде сожжений совершались в небольших ямах неправильной продолговатой формы, глубиной 30—70 см⁶. Над захоронениями иногда встречался каменный заклад, что известно, как отмечено выше, и для полей погребений. В качестве примера приведу описание одной ай-годорской могилы, № 2, типичной для сожжений. Могильная яма длиной 75, шириной 45 и глубиной 52 см содержала жженные кости покойника, сложенные в раздавленную остродонную амфору, от которой сохранилась лишь только верхняя часть. Над горлом амфоры лежал открытый сосуд местного изделия из грубой зеленоватой глины. Над амфорой найден зуб овцы. Под амфорой обнаружена бронзовая пряжка и несколько черепков сосудов. В могильной яме попадались редкие кусочки угля.

Несколько другой характер имела могила № 10, обнаруженная в средней части раскопа. Она была завалена камнями, промежутки между которыми были заполнены щебнем и глиной. Протяжение этой каменной кладки с севера на юг 2,25 м и с востока на запад 2,75 м. Под камнями стоял небольшой сосуд пифосообразной формы, служивший урной для жженных костей покойника. Вместе с костями в урне найден разбитый тонкостенный открытый стеклянный сосуд. Урна была закрыта простой чашкой, раздавленной и расщепившейся. С нижней стороны непосредственно рядом с урной лежали нож и сломанный серп. На север от урны стоял небольшой глиняный кувшин с поврежденным горлом. К северо-востоку от нее же найден обломок железной рукоятки с ушком, к северо-западу — два рыболовных крючка и медная монета императора Константина I, чеканенная после смерти последнего (в 337 г. н. э.). Другая медная монета — боспорская Рескупорида VII, относящаяся к 314 или 317 гг., была найдена на З — С — З от урны, наконец, третья монета, тоже Рескупорида VII, датированная 327 г., была обнаружена на Ю—Ю—З от урны, вместе с небольшим обломком бронзовой пряжки. На Ю—В от урны найдена железная пряжка, на юг от нее третий рыболовный крючок. Кроме того, в могиле были обнаружены два железных стержня, два осколка кремня и черепки посуды простой, тонкостенной, толстостенной, а также из коричневой, серой и

¹ В. В. Хвойко, Поля погребений в среднем Приднепровье, СПб, 1901, стр. 45.

² М. Смішко, Доба полів поховань в західних областях УРСР, «Археологія», II, Київ, 1948, табл. 1, стр. 129.

³ А. А. Спицын, Поля погребальных урн, СА, X (1948), стр. 53 сл.

⁴ Там же, стр. 53 и 55.

⁵ ИАК, вып. 12, стр. 26, и вып. 29, стр. 68—69.

⁶ В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 264.

грубой глины. Длина погребения с востока на запад 0,57, ширина с севера на юг около 0,55, глубина 0,68 см.

Идентичность описанных погребений с захоронениями культуры полей погребений несомненна. Отмечу, что в Зарубинском могильнике исследователи отмечали погребения на глубине 1,2 м иногда в разрушенном «каменном склепе»¹.

К той же группе следует отнести памятники, открытые на Воляни. В полях погребальных урн, открытых С. С. Гамченко у сс. Перлова и Корчага Житомирской области, сосуды стояли в глубоких каменных ящиках типа кист. Наибольший интерес из открытых на Воляни памятников этого рода представляет некрополь, исследованный в Подольской обл., близ села Погорелое, где в круглых ямах шириной 1,05 м, обмазанных глиной и прикрытых дранью, обнаружены остатки кострища. Здесь найдена посуда прекрасной техники, бусы, медные тонкие фибулы, костяные гребни, наперсток, железный ключ, ножницы, удочки, кинжал, топоры².

Анализируя в деталях обряд захоронения в Ай-Тодорском могильнике, нужно отметить три типа погребений: погребения кремированных трупов в урнах и бытовых сосудах, в амфорах и просто на земле, завернутыми, как полагает исследователь, в простую ткань.

I. Погребения на земле без сосуда	Могилы №№ 6, 11, 16, 27, 28, 30	Итого 6—22,22%
II. В урнах и бытовых сосудах	Могилы №№ 10, 21, 24, 25, 31, 32	Итого 6—22,22%
III. В амфорах	Могилы №№ 2, 3, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 26, 29, 33	Итого 15—55,55%

Первые две группы обычны для захоронений кремированных трупов. Значительно реже встречаются захоронения в амфорах. Последние известны на Украине в селе Белоцерковцы на Полтавщине (табл. I, рис. 1), где амфора найдена с остатками пережженных человеческих костей, и в других местах Украины (табл. II, рис. 1—4). Среди костей была обнаружена сердоликовая четырнадцатигранная бусина и бронзовая бляшка с изображением Горгоны³. У хутора Савинского, в районе Лубен на Полтавщине, крестьянами случайно было найдено несколько амфор с пеплом и пережженными человеческими костями (Рудинский, ук. соч., стр. 52). В фондах Полтавского музея имеется амфора, найденная с пережженными человеческими костями в окрестностях села Былыки. Наконец, в 1927 г. близ села Бизюков, на Херсонщине, при земляных работах случайно обнаружено бескурганное погребение с трупосожжением. Прах покойника находился в серой амфоре, датируемой IV—V вв. н. э.⁴

Таким образом, весь обряд захоронения Ай-Тодорского могильника полностью совпадает с обрядом полей погребений, причем погребения в амфорах имеют аналогии в захоронениях поздней стадии культуры полей погребений.

Инвентарь погребений Ай-Тодорского могильника крайне беден и состоит из глиняных сосудов в форме горшков, кувшинов, амфор различных

¹ А. А. Спицын, ук. соч., СА, X, стр. 56.

² А. А. Спицын, ук. соч., стр. 65.

³ М. Я. Рудинский, Археологічні збірки Полтавського музею, Збірник I, Полтава, 1928, стр. 51.

⁴ «Летопись Херсонского музея за 1927—1928 роки», вып. 9, Херсон, 1929, стр. 9, табл. I.

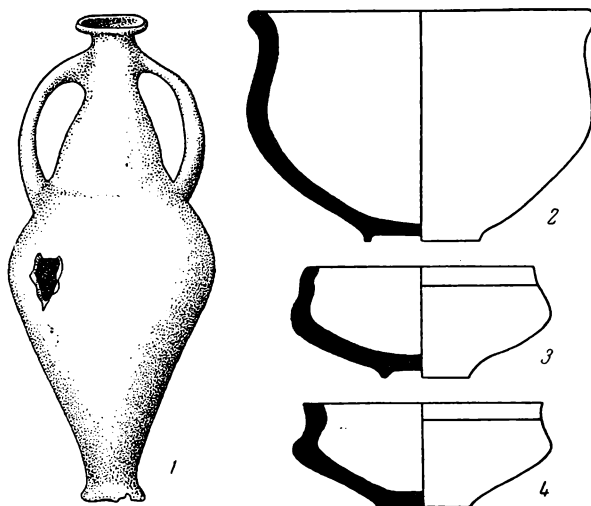

Табл. I. 1 — амфора Полтавского музея из Белоцерковского могильника; 2—4—керамика из поселений «полей погребений» у Кантемировки

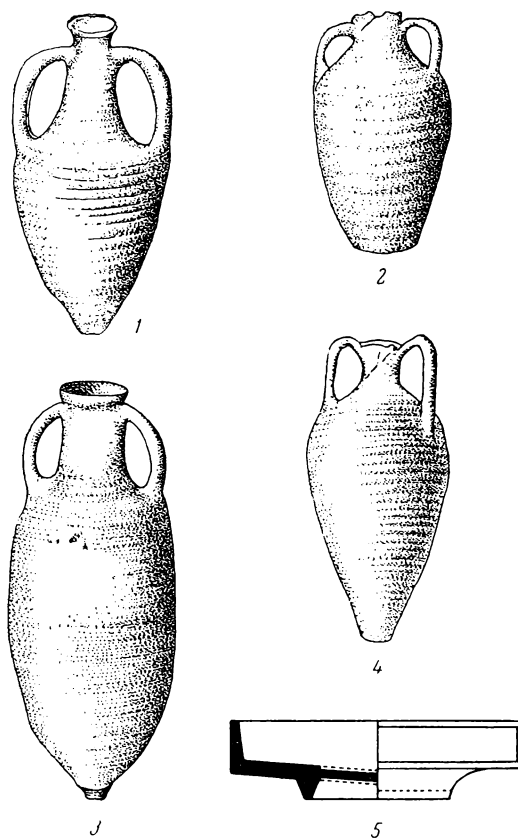

Табл. II. 1—4 — типы амфор из памятников «полей погребений» (СА, VI); 5 — блюдо из «полей погребений»

форм (табл. III и IV), характерных для III—IV вв. н. э., стеклянных сосудов и украшений, в числе которых бусы из зеленоватого стекла и черной и желтой пасты с голубыми глазками. Встречены браслеты бронзовые несомкнутые, с расширяющимися концами, пряжки, фибулы (табл. V). Орудия труда весьма немногочисленны. В их числе ножи, топоры, серпы, рыболовные крючки. Из предметов вооружения найдены два кинжала и один умбон. Все вещи, так же как и монеты, заставляют согласиться с точкой зрения В. Д. Блаватского, что «могильник крепости Харакса относится к тому времени, когда Крымское побережье было оставлено римлянами (конец III — вернее, первая половина IV в. н. э.)» (ук. соч., стр. 274).

Но никак нельзя признать верным другой его вывод, касающийся этнической принадлежности могильника. «Нужно думать, — пишет В. Д. Блаватский, — что в данном некрополе погребались потомки обитателей поселка, культура которых имела смешанный характер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Возможно, с римским гарнизоном Харакса можно связать сожжение покойников, на долю местного населения приходится обычай класть в могилу местные лепные сосуды из грубой глины, зубы животных и осколки кремней, которые встречались в некоторых могилах. Характер погребений довольно бедный: золота в них не встречается вовсе, серебра почти нет, украшения весьма скромны и малочисленны. Это обстоятельство, наряду со сравнительно большим числом орудий труда, найденных в могилах, позволяет предполагать, что в данном некрополе хоронили главным образом трудовое население Харакса» (там же).

С этим выводом В. Д. Блаватского трудно согласиться. Едва ли римская культура и нравы так глубоко проникли в быт крымского населения, что у последних изменились самые консервативные религиозные обряды. На Западе, на Балканах, в районе Рейна и по Дунаю, где римляне были в большем числе, где римская культура глубоко проникла в быт и нравы местных племен, там, естественно, это влияние захватило и область религии: мы встречаем там преобладание трупосожжений, характерных для римлян рубежа нашей эры. Там романизация сказалась и в языке. Ничего этого не было на территории Крыма. Влияние Рима было здесь поверхностным и коснулось только деталей костюма и вооружения, не затронув языка. Даже в античных центрах Крыма римское влияние не проникло вглубь культуры и не романизировало ее по существу. А если это так, то трудно предположить, чтобы римское влияние проникло в быт и нравы людей, не связанных непосредственно с политическими центрами Крыма.

Анализ обряда погребений могильника Харакса заставляет связать могильник с каким-то пришлым населением. Об этом же свидетельствует и инвентарь погребений. Керамика в своих основных формах напоминает посуду полей погребений: реберчатые миски, кувшины, блюда, особенно характерны кувшины с горлом в форме раструба. Эти образцы можно сопоставить с аналогичными вещами из полей погребений, такими, как керамика Черняховского могильника, как амфоры Полтавского музея, как материал, изданный за последние годы украинскими археологами (см. табл. I, VI и VII). Сходны и украшения. Орудия труда и оружие тех же типов, как и в Ай-Тодорском могильнике, встречаются и в могильниках полей погребений.

Все это заставляет отнести Ай-Тодорский некрополь к числу могильников культуры полей погребения Черняховского типа, времени IV в. Он знаменует приход славян, которые, совместно с другими племенами, повидимому, сыграли здесь роль могильщиков рабовладельческого строя.

Ай-Тодорский могильник не одинок. Можно указать на ряд погребений Чернореченского и Инкерманского могильников, которые могут быть сопоставлены со славянскими погребениями типа «полей погребальных

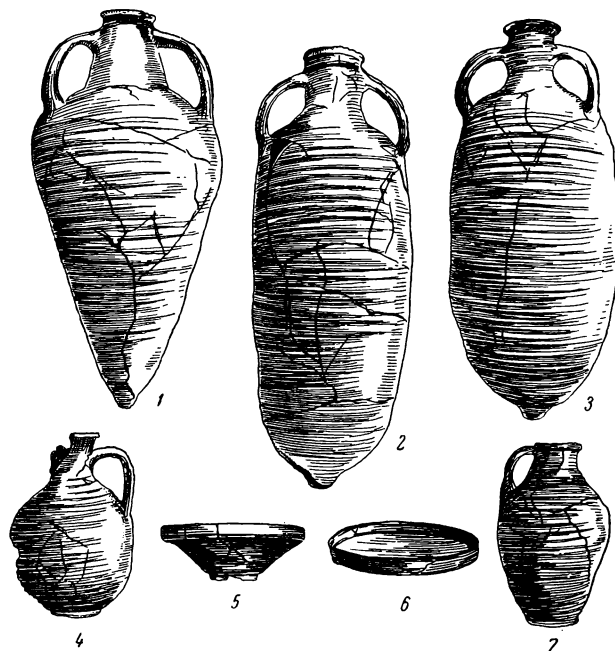

Табл. III. Сосуды из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—из могилы № 26; 2, 6, 7—из могилы № 29; 3—из могилы № 33; 4—из могилы № 18; 5—из могилы № 21

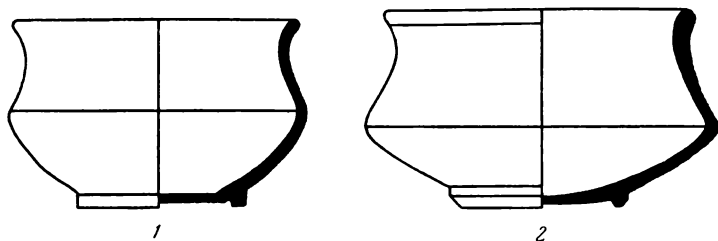
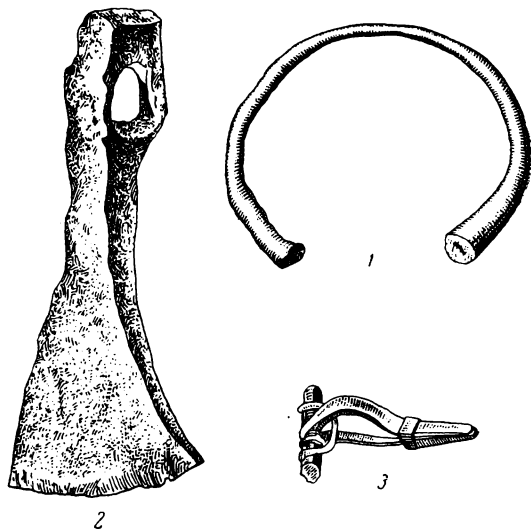

Табл. IV. Сосуды из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—из могилы № 22; 2—из могилы № 28

Табл. V. Вещи из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—2—браслет и топор из могилы № 19; 3—фибула из могилы № 33

урн». В целом эти могильники смешанного характера и дали в основном сармато-аланский материал. Так, к числу предметов сармато-аланской культуры следует отнести золотую лунницу и круглые фибулы, инкрустированные цветной пастой, имеющие аналогии в материале Северного Кавказа¹. Но в то же время около половины погребений Чернореченского могильника могут быть приписаны древним славянам. В этом могильнике в 1950 г. было открыто 38 подбойных могил, из них 33 с одним захоронением, вытянутым на спине, головой на С — В, и пять с двумя захоронениями, также вытянутыми на спине, головой на С или С — В, семь склепов, восемь простых грунтовых могил и 45 трупосожжений — 33 захоронения в амфорах и 12 в урнах. Следует отметить крайнюю бедность инвентаря трупосожжений: только в 15 могилах были найдены вещи. Заслуживает внимания факт выкладки некоторых могил камнем, что отмечено семь раз и находит аналогии как в Ай-Тодорском могильнике, так и в ряде памятников полей погребений. Трупосожжения в амфорах или урнах, открытых в Чернореченском могильнике на глубине от 30 до 60 см, близки культуре полей погребений. Можно привести в виде примера могилу № 16: урна — лепной кувшин с туловом шарообразной формы из грубой черной глины — находилась на глубине не более полуметра; она была закопана вертикально и обложена небольшими камнями, поставленными на ребро; внутри урны, кроме пепла, земли и пережженных человеческих костей, были найдены обломки краснолаковой мисочки и стеклянного сосуда.

В целом этот могильник весьма близок погребениям Кантемировка² и Федоровки, где наряду с трупосожжениями встречены и погребения в подбоях. Как Кантемировский и Федоровский, Чернореченский могильник показывает, что между сарматскими племенами и племенами полей погребений существовали весьма тесные культурные и экономические связи. Это наблюдение подтверждает мысль Тацита (*German.*, XVI), что многие племена, жившие рядом с сарматами, благодаря смешанным бракам между ними, в значительной степени «обезобразились» наподобие сарматов. Благодаря тесным взаимосвязям погребальный инвентарь сарматов и племен полей погребений мало различается. Пожалуй, своеобразна только керамика, причем в некоторых случаях, как, например, в могильнике Чернореченском, и последняя носит смешанный характер. О смешении антропологического типа можно судить по находке деформированного черепа из Черняховского могильника. Много сарматских элементов встречено в культуре полей погребений, особенно среди погребений племен, живших по соседству с сарматами.

Можно полагать, что первая волна славян попала на Крымский полуостров вместе с сарматами и здесь в чуждой обстановке утеряла многие свои черты, точно так же как, скажем, памятники полей погребений верхнего течения северного Донца в первый период своего существования (III — IV в. н. э.), ничем не отличающиеся от аналогичных памятников Поднепровья, в более позднее время, как отметил Ю. В. Кухаренко (*ук. соч.*, стр. 8), приобретают многие черты, роднящие их с культурой различных степных, не славянских племен. Однако было бы неверно думать, что новые культурные элементы, приобретенные в новой среде, совершенно вытеснили старые. Несомненно, оставались неизменными религиозные обряды, многие обычаи и часть элементов культуры.

¹ См. ВДИ, 1951, № 4, стр. 229.

² См. Ю. В. Кухаренко, Юго-восточная граница расселения ранне-славянских племен, М., 1951, стр. 14.

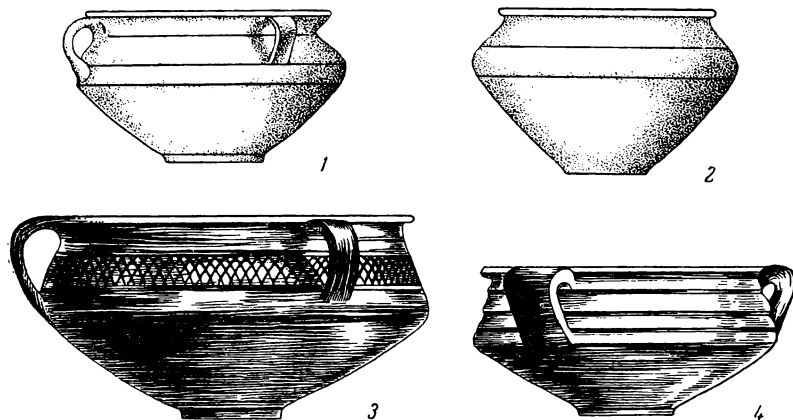

Табл. VI. Сосуды из Черняховского могильника

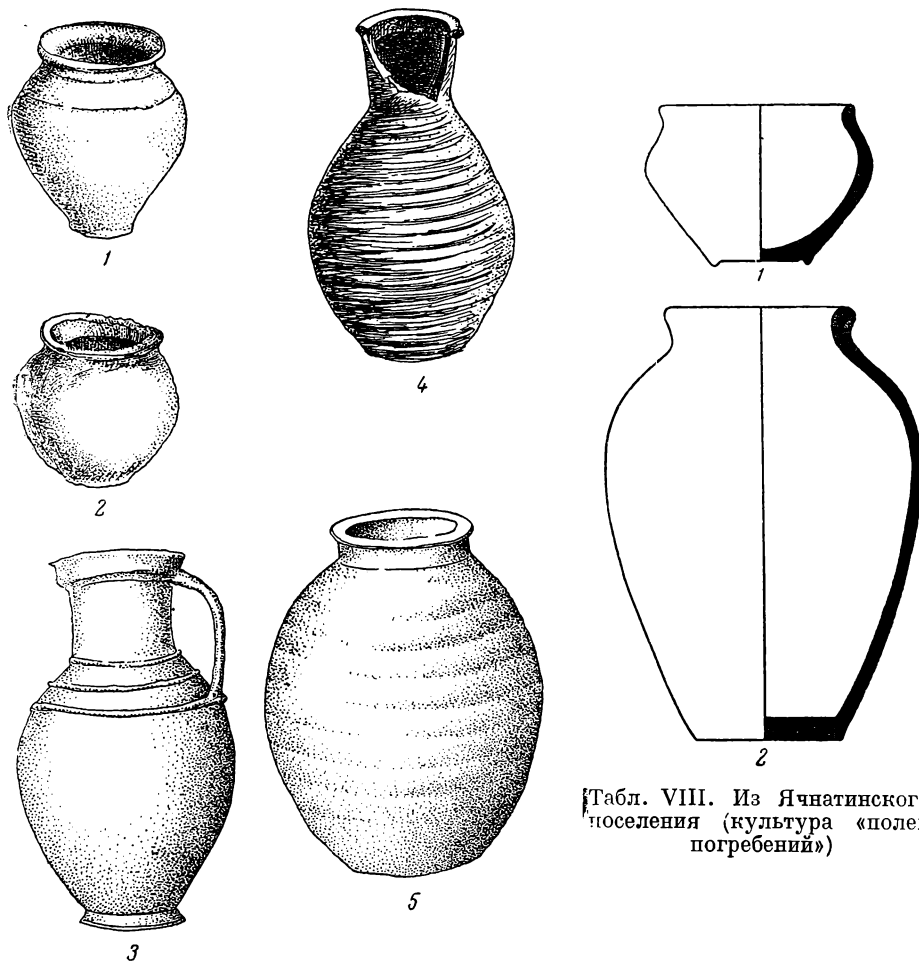

Табл. VIII. Из Ячнатинского поселения (культура «полей погребений»)

Табл. VII. Керамика из полей погребений:
1—2 — по Луцкевичу; 3 — по Смешко;
4—5 — из Харакского могильника, могила № 10
(по Блаватскому)

На территории Крыма мы встречаем вещи славянских типов первого и начала второго тысячелетия н. э., на что уже обратил внимание Б. А. Рыбаков¹. В их числе, правда, немногочисленные пока, вещи из Херсонеса с эмалями и пятипальчатые фибулы днепровского типа из могильников Суук-Су и Артек.

Кю времени до X в. относится находка значительного числа славянской посуды как на городище Коктебель, так и в ряде поселений этого времени на Керченском полуострове. Следует заметить, что аналогичные находки сделаны М. М. Кобылиной и на Фанагорийском городище. В этой группе крайне интересны горшки вытянутых форм с отогнутым венчиком, с линейным и волнистым орнаментом, близкие полям погребений (табл. VIII, 2). Вся эта группа датируется VIII—X вв. и в полной мере идентична керамике подобного типа с донецких городищ. Там она встречена на Салтовском и Цимлянских городищах и в ряде других мест. С легкой руки М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина, она по условиям находки в хазарских слоях отнесена была к салтово-маяцкой культуре. Уже неоднократно в трудах многих историков и археологов обращалось внимание на большую роль славянства в культурной и политической жизни хазарского каганата. На раннее проникновение славянства в район Дона указывают и находки там памятников типа полей погребений (Кухаренко, ук. соч. стр. 6—7).

За последнее время, благодаря работам М. И. Артамонова, удалось получить некоторые данные по стратиграфии Цимлянского городища. Там было обнаружено два культурных слоя: верхний — древнерусский и нижний — времени хазарского каганата. В двух горизонтах верхнего слоя русского периода преобладает лепная посуда роменско-боршевского типа, причем в верхнем горизонте с формами сосудов, сделанных на гончарном круге. Гончарная керамика этого слоя не отличается от русской керамики и других областей. В этом слое в значительном количестве встречается и привозная посуда, главным образом высокие кувшины с плоскими ручками и амфоры так называемого киевского типа². В нижнем слое хазарского времени встречаются фрагменты лощеных приземистых сосудов с одной ручкой и венчиком со сливом и серые горшки, а также амфоры. Вся эта посуда сделана на гончарном круге. Лепные сосуды почти не встречаются: единичные экземпляры представляют собой горшки баночной формы из грубой, плохо отмытой глины³. Несомненно, что в данном случае наряду с салтовской керамикой встречена славянская. На это указывает как самая форма, так и фактура и линейно-волнистая орнаментация серых горшков. Эта группа прекрасно связывается генетически с серыми горшками близкого профиля полей погребений черняховского типа.

Поскольку в этом районе встречаются памятники полей погребений, нет ничего странного, что подобная керамика, сделанная на гончарном круге, получила широкое распространение в хазарских поселениях городского типа, где, как мы знаем по историческим данным, проживало значительное число русских. О русской дружине кагана неоднократно говорят восточные свидетельства, о многочисленном городском русском населении можно судить по наличию отдельного судьи для славян. Здесь, на востоке Европейской равнины, это древнеславянское население в значительной мере удержало свои культурные привычки, свой быт, обрядовую сторону жизни и, повидимому, язык. Только этим можно объяснить, что восточ-

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 69—70.

² М. И. Артамонов, Раскопки Саркела-Белая Вежа в 1950 г., ВИ, 1951, № 4, стр. 148.

³ Там же, стр. 149.

ные писатели согласно отмечают значительное славянское население в городах Хазарии. Для характеристики этого вопроса большую ценность представляет Шапсугинский могильник, исследованный Н. Н. Анфимовой. Там среди 300 погребений, датируемых X — XIV вв., было обнаружено 270 трупоположений и 30 кремированных захоронений. Трупоположения и по обряду погребения и по вещевым комплексам надо отнести к кабардинцам, а немногочисленные сожжения, встреченные в курганах, — к славянам. Погребальные урны в этих курганах находились на горизонте. Вокруг них обычно помещалось вооружение, как правило, испорченное. Встречались каменные кладки, как, например, в кургане № 14, где кладка представляла круг около 6 м в диаметре и толщиной от 10 до 18 см. Эти погребения по деталям погребального обряда напоминают древнеславянские¹. Они весьма близки трупосожжениям Борисовского могильника, которые хорошо сопоставляются с трупосожжениями боршевских курганов и могут быть связаны со славянами². Таким образом, в новой этнической среде племен салтовской культуры славяне не только удержали многие элементы своей культуры, но и оказали, повидимому, значительное влияние на аборигенное население. Позднее эта славянская струя, как справедливо предполагает Б. А. Рыбаков, могла раствориться среди местного кабардинского населения³.

Лепная грубая керамика верхнего слоя Цимлянского городища представляет собой результат вторичного колонизационного процесса времени Святослава, наплыва славян из воронежских лесов⁴.

О том, что Крым к IX—X вв. был в сильной мере славянизирован, свидетельствует и ряд других фактов. По договору с Византией князь Игорь брал на себя обязательство защищать Корсунь. Русские князья, опираясь на родственное им население Крыма, чувствовали себя здесь хозяевами.

Таким образом, и археологические данные и более поздние письменные памятники свидетельствуют о постепенном проникновении славян на Крымский полуостров, начиная с III в. н. э., и о значительном их распространении в Крыму к IX—X векам.

¹ А. П. Смирнов, К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным, «Уч. зап. Кабардинского НИИ», т. IV, Нальчик, 1948, стр. 89.

² Там же, стр. 84.

³ Б. А. Рыбаков, Славяне в Крыму и на Тамани, Крымиздат, 1952, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 7.